

Доктор Ди

Снег выпадал в отдельных эпизодах,
все остальное время шли дожди.
Их получал из жидкого азота
мой психоаналитик — доктор Ди.
Он пил мартини, пах овечьей шерстью,
прикидывался тертым калачом...
Раз в месяц я ложился на кушетку
и обсуждал с всезнайкою-врачом
то шанс заметить ангела в кристалле,
то целый комплекс травм родовых.
А ледяные струи все хлестали,
не отличая мертвых от живых.
Я снова видел лица дорогие,
обмотанные клейкой лентой тьмы...
Ад, говорил Ди, это не другие,
ад — это мы.

Сновидец

В той комнате ружье висит на стенке,
задумалось, куда ему пальнуть.
Плывут огни немыслимых оттенков,
от зеркала к дивану держат путь.
В углу старуха сны на спицах вяжет.
В другом углу — любовников возня.
Из коридора мат, многоэтажен,
доносится, но в коридор нельзя
тебе, дружок, баюкай лучше зайца,
корми медведя плюшевой лапшой.
Никто не знает, как ты оказался
в той комнате, то светлой и большой,
то маленькой, внутри — чернила ночи,
но в каждом варианте по ружью;

оно висит и высказаться хочет,
под ним — зеленоватый абажур
в А-версии; в Б абажур сиренев,
свет выключен, и пьяный алеут
бьет лыжной палкой северных оленей,
выпытывая, как тебя зовут.
Олени спят, не издают ни звука.
В окне звезда от холода дрожит.
«А в самом деле, как его зовут-то?» —
бормочет бабка, спицы отложив.
В окне звезда, сугробы в коридоре.
А в пыльном кресле, бледен как мертвец,
сидит сновидец с зайцем на ладони
и вспоминает, кто он, наконец.

Ангел

В полевых мундирах стоят цветы.
Ветер носит то, что налаял пес.
Пьяный ангел падает с высоты,
матерясь при этом, что твой матрос.
Он в прошедшем времени восставал,
а теперь из будущего грядет,
озаря летнюю пастораль
шумным ливнем огненным. На живот
речка малахитовая легла
с лодкою-заколкою в волосах...
Крикнул дачник ангелу: «Нелегал!»
А потом заплакал, не понял сам,
отчего такая берет тоска
на исходе августа, дивным днем;
сжал в объятьях женщину из песка,
наклоня голову под огнем.

Суккуб

Не калина у ручья, а ракита;
не цветет, а на ветру облетает.
Ляжет парень на траву, как убитый,
то ли любит, то ли нет, сам не знает,
только хочет он тебя, девку злую,
как увидит, пожирает глазами...
В небе птицы треугольник рисуют,
протыкают облака, исчезая.
Ведьма бросила в ручей коромысло.
Выпил Ваня из ручья, стал козленком.
В этой песне вообще нету смысла,
а и был бы в песне смысл, что в нем толку?

Бьет копытцем дурачок о копытце,
ищет старшую сестру по болотам.
Сон к лицу певцу, опять ему снится
что-то огненное, жуткое что-то.
Вот лежит, а голова вся седая,
под свинцовой прохудившейся кровлей...
Снова ты его во сне оседлала,
расцарапала когтями до крови.

Апокриф

А пока из окон вываливались старухи,
и по воздуху плыли листья, пропахшие солидолом,
прокуратор, как был в плаще, мыл под краном руки,
словно красил раковину бордовым.
Возвращались с праздника фарисеи,
Асмодея гладили против шерсти.
Облака на нитках сырых висели,
проливаясь ливнем таких известий,
что вставали волосы ветра дыбом,
и тряслись поджилки у самых смелых.
На столах лежали хлеба и рыбы,
но никто не ел их.
Приходил Иуда, звонил, стучался;
истощенной псиною лег за дверью.
Петр уехал жаловаться начальству,
а Фома и раньше в меня не верил...
Книгу Чисел ангелы пролистали,
накупили комиксов, улетели.
Господи, зачем ты меня оставил
в этой страшной осени, в смертном теле?

Черный заяц

В тот вечер ты Поплавского читала,
качалась в паутине гамака.
А в небе цвета закаленной стали
сгущались грозовые облака.

Закатывалось медленное солнце.
Дождь собирался с духом, шел не шел.
На даче у Петровых пел Высоцкий,
а Глотовы смотрели телешоу

«Пусть говорят», хоть не о чем давно им...
И в сумрачный воздушный коридор
вползали голубые змеи молний
и вас с Поплавским загоняли в дом.

Дрожали стекла, вышибало пробки,
под глазом ветра тучи рос синяк.
И черный заяц прятался в коробке
из-под кроссовок, брошенных в сених.

Жрица

Жрица любви в красной комнате ждет студента,
тощего итальянца в пиджачной паре.
Парня зовут Ромео, ее — Джульетта;
это звучит насмешкой, но так совпало.
Вот он вошел: короткая стрижка, голос
с легкою хрипотцой, под глазами тени...
В восемь утра соитие — это голый
завтрак для тех, кто в силе, для тех, кто в теме.
Вскоре они становятся осьминогом.
После Ромео курит спиной к Джульетте,
сизым дымком окутанный, спорит с Богом.
Бог говорит, что давно уже не в ответе
за человека. Бог говорит, что умер,
позже воскрес, но чинить этот мир не станет.
Бог говорит: итальянца убьют в июле,
Жрица же выйдет замуж, рога наставит
вздорному старикану с лицом химеры...

Бог говорит: Я не слышу тебя, Ромео.
В сердце твоём будто свечу задули.
Сердце твое принадлежит Астарте.

Дьявол

Дьявол приходит в гости в рабочий полдень:
шляпа восьмеркой, смокинг, резная трость.
А на челе его огненный знак Господень,
что не мешает видеть тебя насквозь.
Вежливый господин, утонченный даже,
лучшего собеседника — поискать...
Перстни на длинных пальцах, высок, вальжен
и седина красивая на висках.
Ты же зарос щетиной, два дня не мылся,
на голове, наставленные женой,
выются рога, и не имеет смысла
смерть твоя, ты и без смерти-то неживой.
Ну ничего, вот придет с портвешком поделщик,
вспыхнет в крови животворящий крест...

Дьявол сидит и смотрит тебя, что телек.
Как ему только это не надоест?

Прошло два года, как прошло два года.
Код доступа остался тем же самым.
Твои убийцы вышли на свободу.
Теперь поют дурными голосами,
что жизнь — копейка, затупились копыя,
и порох отсырел в пороховницах.
Все знают, чем закончится попойка
и все равно торопятся напиться...
Завернуты в оранжевые флаги
чахоточные городские скверы.
А ты лежишь в красивом саркофаге,
в парадном фраке, правда, пахнешь скверно.
Потом встаешь, идешь к себе домой, там
сидит мужик, похожий на вомбата.
Не разобрать — живой он или мертвый.
Повсюду свет горит зеленоватый.
Мужик жует, таращась в мутный телик.
Коробку с пиццей на комод поставил.
Кровавый соус капает на тельник.
Код доступа остался тем же самым.
Закончив дело, ты хватаешь пиццу
(вомбату-то небось не до обеда).
И слышишь, как поют твои убийцы.
Вот только бы добраться до рассвета
до здания, где, выпив море спирта,
кричат они дурными голосами,
что жизнь — копейка, ибо Смерть — копилка.
Код доступа остался тем же самым.